

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ф. И. Тютчев

«Я ВСТРЕТИЛ ВАС...»

Школьная библиотека (Детская литература)

Федор Тютчев
«Я встретил вас...» (сборник)

Издательство «Детская литература»

1997

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Тютчев Ф. И.

«Я встретил вас...» (сборник) / Ф. И. Тютчев —
Издательство «Детская литература», 1997 — (Школьная
библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005624-6

Эта книга состоит из двух частей. Первая часть — повесть «Поэт гармонии и красоты» Г. В. Чагина рассказывает о детстве, об основных событиях жизни, об особенностях творчества величайшего русского поэта Ф. И. Тютчева. Вторая часть — избранные стихотворения великого лирика. Для старшего школьного возраста.

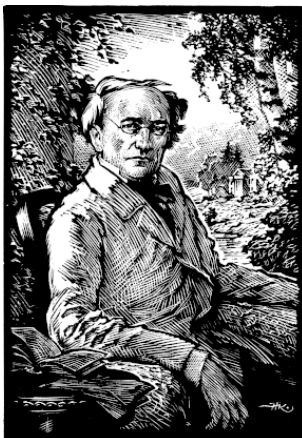
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-08-005624-6

© Тютчев Ф. И., 1997
© Издательство «Детская
литература», 1997

Содержание

Поэт гармонии и красоты	6
Начало биографии	6
«На первой днѣй моих заре...»	8
Свободолюбивые порывы	14
«Тебя ж, как первую любовь...»	17
«Я встретил вас...»	20
«Опять увиделся я с вами...»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

F. Tyutchev

1803—1873

Федор Иванович Тютчев

«Я встретил вас...»

© Чагин Г. В., повесть «Поэт гармонии и красоты», составление и комментарии, 1997

© Калита Н. И., иллюстрации, 1997

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *

Поэт гармонии и красоты (О жизни и творчестве Ф. И. Тютчева)

Начало биографии

Любителям поэзии хорошо известно четверостишие Федора Ивановича Тютчева, которое он написал на последнем десятке своей долгой, полной событиями жизни:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Трудно, да, пожалуй, и вряд ли возможно измерить этим «аршином общим» и сам жизненный и творческий путь великого русского поэта. Не случайно, что даже самые близкие Федору Ивановичу люди часто теряли всякую возможность понять его мятущуюся душу.

«Он мне представляется одним из тех изначальных духов, таких тонких, умных и пламенных, которые не имеют ничего общего с материей, но у которых нет, однако, и души. — Так записывает о нем свои впечатления старшая дочь поэта, Анна Федоровна, наиболее близкая ему по мыслям и чувствам. — Он совершенно вне всяких законов и правил. Он поражает воображение, но в нем есть что-то жуткое и беспокойное...»

Понять его до конца представлялось возможным только долго общавшимся с ним. И видимо, далеко не случайно, что первым биографом поэта стал муж Анны Федоровны, общественный деятель и публицист Иван Сергеевич Аксаков — сын известного писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Ивану Сергеевичу это было сделать легче, чем кому-либо другому, ибо известно, что дневниковых записей Тютчев никогда не вел, писем не хранил и совершенно не беспокоился о том, насколько полно и точно дойдут до потомков факты его биографии. Не только как член тютчевской семьи, но и как особенно близкий поэту по общественно-политическим взглядам человек, Иван Сергеевич вполне имел право быть его первым биографом. Не последнюю роль сыграл в этом и писательский талант И. Аксакова.

Уже через восемь месяцев после смерти поэта, в марте 1874 года, в одном из своих писем к Федору Васильевичу Чижову, писателю-славянофилу, Аксаков сообщал: «Я занят с утра до ночи и часть ночи; тороплюсь кончить свою работу о Тютчеве и по поводу Тютчева... Я знаю, вы не любите Тютчева или относитесь к нему с предубеждением, но беру с вас слово вперед: прочесть мою книгу от доски до доски».

Трудился Иван Сергеевич в имении жены Турово на Оке, Серпуховского уезда, в небольшом уютном двухэтажном домике с видом на зеленую пойму красавицы реки.

К лету биография была написана. Но опубликованная в сентябрьском номере журнала «Русский архив» работа была распоряжением правительства конфискована. Слишком популярен был тогда Аксаков, общественный деятель и журналист, своими статьями нередко вызывавший недовольство правящих кругов. И очередная возможность публикации его воззрений в связи с именем Тютчева, видимо, испугала цензуру. Поэтому отдельным изданием «Биография Федора Ивановича Тютчева» появилась на свет только в 1886 году. С тех пор, с аксаковских времен, полнее и достовернее Ивана Сергеевича о Тютчеве пока не сказал никто. Поэтому почитатели тютчевской поэзии до сих пор читают лишь о каких-то отдель-

ных сторонах его жизни или творчества, сожалея, что нельзя за один раз прочесть все о всем Тютчеве. Да и возможно ли это на самом деле?..

«На первой днѣй моих заре...»

Примерно в тридцати километрах от древнего городка Углича лежит село Знаменское, получившее, вероятно, свое распространенное название на Руси по стоявшей в нем церкви. Кто знает, может быть, сам родоначальник славной фамилии «храбрый муж Захарий Тютчев» получил эти земли на Ярославщине от московского великого князя Дмитрия Иоанновича Донского за свою дипломатическую и ратную службу на благо зарождающегося Российского государства. С незапамятных времен служилые дворяне и ратники Тютчевы нередко встречаются среди владельцев земель в Мышкинском, Угличском и Кашинском уездах. Скорее всего, именно в селе Знаменском в 1688 году родился и прадед поэта, Андрей Данилович Тютчев, походный журнал которого с рассказами о многих ратных приключениях его владельца вполне мог читать потом и его знаменитый правнук.

Родом из-под Углича был и дед поэта, статный красавец Николай Андреевич Тютчев, секунд-майор и инженер, после выхода в отставку ставший помещиком, а затем и уездным предводителем дворянства (с последней четверти XVIII века) Брянского уезда, Орловской губернии. В 1762 году он по совету родственников выбрал в жены небогатую, но видную и домовитую владелицу подгородного села Овстуг, Пелагею Денисовну Панютину. Стараниями их и их детей Овстуг за долгие полтора столетия станет богатой родовой усадьбой Тютчевых.

Третий сын Николая Андреевича, Иван Николаевич Тютчев (1768–1846), получил образование в Петербурге, в основанном Екатериной II Греческом корпусе. В 1798 году он женился на Екатерине Львовне Толстой (1776–1866) и примерно в это же время вышел в отставку в чине поручика. Несколько лет семья прожила в Овстуге, где у молодых родились первенец Николай (1801–1870) и 23 ноября 1803 года будущий поэт Федор. После появления других детей Тютчевы все чаще подолгу гостили в Москве у тетки Екатерины Львовны, графини Анны Васильевны Остерман, а потом, когда пришла пора учения старших сыновей, купили дом в Армянском переулке в декабре 1810 года.

Главой семьи считалась Екатерина Львовна. «Маменька» – так ее называли все в доме. Происходя по матери из рода Римских-Корсаковых, она приходилась племянницей известному военачальнику, генералу Александру Михайловичу Римскому-Корсакову, сподвижнику А. В. Суворова. Ее мать, Екатерина Михайловна, умерла в 1788 году, оставив мужу, Льву Васильевичу Толстому, одиннадцать детей – трех сыновей и восемь дочерей. Старших детей отдали в учение, а большинство младших взяли на воспитание родственники. Так Екатерина Львовна в двенадцать лет попала к своей бездетной тетке, Анне Васильевне.

Муж тетки, граф Федор Андреевич Остерман (в честь кого и был, скорее всего, назван поэт), сенатор, действительный тайный советник, служил некоторое время московским генерал-губернатором, был богат, имел собственные дома в Москве и Петербурге. В одном из таких домов в древней столице, в приходе церкви Трех Святителей на Кулишках, и провела свое детство Екатерина Толстая, мать поэта, через которую он приходился родней известным дворянским родам Толстых и Остерманов.

Аксаков, узнавший Екатерину Львовну уже в преклонном возрасте, характеризовал ее как «женщину замечательного ума, сухощавого, нервного сложения, с склонностью к ипохондрии, с фантазией, развитою до болезненности». «Ипохондрией» в те времена называли преувеличенное внимание к состоянию собственного здоровья. Эта склонность к преувеличению собственных недугов не помешала матери большого семейства дожить до глубокой старости, почти до порога своего девяностолетия.

Благодаря доброму, незлобивому характеру отца, Ивана Николаевича, в семье Тютчевых всегда царила спокойная, благожелательная обстановка. «Смотря на Тютчевых, – запи-

сывал в юности в своем дневнике университетский приятель поэта Михаил Петрович Погдин, – думал о семейном счастье. Если бы все жили так просто, как они».

Отец поэта, по свидетельству того же Аксакова, слыл человеком рассудительным, «с спокойным, здравым взглядом на вещи», отличался «необыкновенным благодушием, мягкостью, редкой чистотою нравов», но, к сожалению, «не обладал ни ярким умом, ни талантами».

Первым биографом Ивана Николаевича стал сын Федор, воспевающий в стихах добрые качества отца. Юному стихотворцу тогда еще не исполнилось и одиннадцати лет, и чтение им стихотворения, по крайней мере у родителей, всегда вызывало слезы восторга. Стихотворение было написано ко дню рождения отца, 13 ноября, по всей вероятности 1814 года, и называлось «Любезному папеньке!»:

В сей день счастливый нежность сына
Какой бы дар принести могла!
Букет цветов? – но флора отцвела,
И луг поблекнул и долина...

Конечно, не только для того, чтобы сделать отцу приятное в день его рождения, сын называет его «Друг истинный добра и бедных покровитель». За добрым советом, зная, что редко получают отказ, шли к Ивану Николаевичу и его дворовые, и овстугские крестьяне. Был он и хлебосольным хозяином, мог поделиться с нуждающимися деньгами. Не только жена и дети, но и слуги не слышали от него грубого слова.

1814 год. Появление первых стихотворений одного из будущих величайших поэтов России совпало со многими выдающимися событиями. Страна, только что победившая армию Наполеона, переживала громадный национальный подъем. Это было время повсеместного зарождения свободолюбивых идей, время появления первых тайных обществ в России. Прошедшая Отечественная война 1812 года уже становилась достоянием истории.

«Нам никогда не случалось слышать от Тютчева никаких воспоминаний об этой године (имеется в виду 1812 год. – Г. Ч.), – писал Аксаков, – но не могла же она не оказать сильного, непосредственного действия на восприимчивую душу девятилетнего мальчика. Напротив, она-то, вероятно, и способствовала, по крайней мере в немалой степени, его преждевременному развитию, – что, впрочем, можно подметить почти во всем детском поколении той эпохи. Не эти ли впечатления детства как в Тютчеве, так и во всех его сверстниках-поэтах зажгли ту упорную, пламенную любовь к России, которая дышит в их поэзии и которую потом уже никакие житейские обстоятельства не были властны угасить...» И хотя о событиях тех лет поэт много позже вспоминал лишь в двух стихотворениях «Наполеон» (1832–1850) и «Неман» (1853), годы войны для него не прошли бесследно.

В становлении поэтического таланта Тютчева большую роль сыграл его учитель русской словесности, Семен Егорович Раич, начавший занятия со своим питомцем в Овстуге весной 1813 года. Сын сельского священника Амфитеатрова, взявший себе литературный псевдоним по названию родного села Рай-Высокое, Раич после окончания семинарии не пошел по духовной стезе, увлекся стихами, мечтая поступить в Московский университет. «Маленький ростом, какой-то чернокожий, тщедушный, почти монах по образу жизни, он любил в стихах своих выражать наслаждение жизнью – буянил в стихах...» – немного желчно, но, в общем, верно вспоминал о нем Ксенофонт Алексеевич Полевой, критик, журналист, один из редакторов «Московского телеграфа». А до осуществления своей мечты Раич пошел в домашние учителя.

«...Провидению угодно было вверить моему руководству Ф. И Тютчева, вступившего в десятый год жизни, – напишет Семен Егорович в автобиографии. – Необыкновенные даро-

вания и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три он уже был не учеником, а товарищем моим, – так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум!»

Переезд Тютчевых в Москву и житье в их доме в Армянском переулке Раича вполне устраивали. До Московского университета, куда он начал готовиться для поступления, было рукой подать. Устраивало его и летнее пребывание со своим воспитанником в подмосковном имении Тютчевых Троицком в Теплых Станах.

«Это время было одной из лучших эпох моей жизни, – записывал в биографии стареющий Раич. – С каким удовольствием вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весной и летом, живя в подмосковной, мы вдвоем с Ф[едором] И[вановичем] выходили из дому, напасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений Поэзии!»

Современники Семена Егоровича отмечали его отличное знание «классических поэтов римских и итальянских», большие способности поэта в «преподавании детям благородных семейств уроков в русской словесности». Бесспорно, что Раич приобщил Тютчева к итальянскому языку, зажег в нем любовь к латинской поэзии, сделал Горация кумиром юного поэта. Отсюда и множество ранних подражаний шедеврам латинской поэзии, встречавшихся в юношеских произведениях Тютчева.

В 1818 году Раич закончил университет со степенью кандидата прав и вновь вернулся к своим обязанностям домашнего учителя Федора Тютчева. «Вступив снова в дом Тютчевых, – вспоминал Семен Егорович, – я успел приготовить ученика своего к университету, посещал с ним частные лекции Алексея Федоровича Мерзлякова и слушал профессоров словесного факультета».

Мерзляков, светило словесного факультета Московского университета, более четверти века состоявший его деканом, был весьма колоритной фигурой московского общества. По свидетельству «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», он «был невысокого роста, широкоплечий и плотный, грудь имел широкую, голову большую. Волосы на ней были обстрижены почти в кружало. Из-под густых бровей и длинных ресниц светились серые глаза, исполненные огня и жизни. Лицо овальное, но скулы выпуклые, рот широкий; нижняя губа несколько выдавалась, особенно во время чтения. Голос его был густ, громок, но не совсем ясен. Стихи читал он нараспев, иногда усиливая, иногда умягчая звуки голоса. Бывал почетным гостем на больших обедах, оратором за столом и в гостиной, которого все слушали. Был добр, мягкосердечен, незлобив. Очень любили студенты».

Бывал Мерзляков частым гостем и в хлебосольном доме Тютчевых, особенно с тех пор, когда младший сын Ивана Николаевича, Феденька (к тому времени три младших сына Ивана Николаевича уже умерли во младенчестве, и роль младшего теперь отводилась юному поэту), стал посещать частный пансион, который держал при своем доме маститый профессор, постоянно нуждаясь в дополнительных заработках. Вскоре Мерзляков начал выделять своего юного воспитанника, радуясь его первым стихотворным опытам.

Посещал Тютчев вместе с Раичем и Общество любителей российской словесности, созданное при Московском университете в 1811 году. Мерзляков, будучи одним из основателей Общества, и там покровительствовал своему юному воспитаннику. На тридцать третьем заседании Общества было прочитано стихотворение Тютчева «Вельможа (Подражание Горацию)». Уже на следующем заседании, 30 марта 1818 года, опять же по рекомендации Мерзлякова, юный поэт и его учитель Семен Егорович Амфитеатров были приняты в сотрудники Общества.

Конец 1817-го и начало 1818 года были для Тютчева по всем статьям полны многими литературными впечатлениями, памятливыми встречами. Еще 28 октября 1817 года в доме в Армянском переулке произошло важное событие. На обед к Ивану Николаевичу Тютчеву пожаловал поэт Василий Андреевич Жуковский, недавно официально назначенный преподавать русский язык в императорской семье и вот теперь приехавший вместе с ней в древнюю столицу. И эта встреча не прошла бесследно для юного поэта.

Примерно через полгода Иван Николаевич, заботясь о дальнейшей литературной судьбе сына, решил вместе с ним продолжить знакомство с маститым поэтом, навестить Жуковского. Рано утром 17 апреля он повел Федора в Кремль. Василий Андреевич, находясь при дворе, разместился в одной из келий Чудова монастыря.

О впечатлениях той поры Федор Иванович за три месяца до своей кончины продиктует жене проникновенные строки:

На первой днѣй моих заре,
То было рано поутру в Кремле,
То было в Чудовом монастыре,
Я в кельѣ был и тихой и смиренной,
Там жил тогда Жуковский незабвенный...

Встречался Тютчев с Жуковским и на заседаниях Общества любителей российской словесности. Согласно его уставу, сотрудники должны были ежегодно представлять по крайней мере по одному своему сочинению. Это неукоснительно соблюдал и Тютчев. На следующий год, на сорок первом заседании, 8 марта, С. В. Смирнов, один из лучших чтецов Общества, прочел перед собравшимися «Послание Горация к Меценату...», «...перевод сотрудника Ф. И. Тютчева». Это была своеобразная вариация на тему 29-й оды Горация из третьей книги «Од». «Послание...» стало первым опубликованным произведением юного поэта. Напечатано оно было в 14-й части «Трудов» Общества за 1819 год.

Увлеченный в то время Горацием и подражая ему, Тютчев как бы входил в лагерь русских поэтов конца XVIII – начала XIX века. А Мерзляков был для юного стихотворца своеобразной живой связью с ними, ибо хорошо знал собратьев по Парнасу, считал себя их современником. Понятна поэтому опека Мерзлякова, который дал Федору Тютчеву рекомендацию в сотрудники Общества, а потом рекомендовал для поступления в университет, участвовал в приемных экзаменах и, наконец, после успешных экзаменов писал прошение о зачислении своего ученика в студенты.

А еще через год, опять-таки не без рекомендации Алексея Федоровича, как одному из способнейших в стихосложении студентов, Тютчеву поручили сочинить оду на торжественный ежегодный акт университета. И Тютчев написал одическое стихотворение «Урания», за которое получил похвальный лист и приобрел благосклонность университетского начальства.

Тесные дружеские отношения, поддерживавшиеся потом на протяжении долгих лет, сложились у Федора Ивановича со студентом словесного отделения, бывшего старше его курсом, Михаилом Петровичем Погодиным. Разночинец, сын управляющего имениями графа И. П. Салтыкова, Погодин все годы учения вынужден был давать частные уроки детям в богатых дворянских семьях, чем практически и жил. Не исключено, что услугами Погодина, более прилежного в учении, пользовался и Тютчев, особенно когда дело касалось приближающихся экзаменов, а нужных конспектов у младшего из друзей под руками не оказывалось.

Чаще всего Федор Иванович и Михаил Петрович встречались в селе Троицком, под Москвой. Рядом в Знаменском, имении князей Трубецких, Погодин служил домашним учи-

телем. Именно там летом 1820 года он начал вести дневник. Этому дневнику прежде всего мы обязаны сохранением множества интересных подробностей о студенческой и вообще московской жизни Тютчева. Погодин много и охотно записывал о своих отношениях с юным поэтом, об их бесчисленных разговорах, мыслях, круге чтения, о русских и европейских авторах понравившихся обоим книг.

«Ходил в деревню к Ф. И. Тютчеву, – отмечал он в августе 1820 года, – разговаривал с ним о немецкой, русской, французской литературе... об авторах, писавших об этом: Виланде, Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо... Еще разговаривал о бедности нашей в писателях. Что у нас есть? Какие книги имеем мы от наших богословов, философов, математиков, физиков, химиков, медиков? О препятствиях у нас к просвещению...»

Уже одно перечисление европейских писателей вызывает уважение к друзьям, младшему из которых не исполнилось еще и семнадцати, делает честь их начитанности и широте кругозора. В числе прочитанных авторов, например, Христофор Виланд, немецкий писатель, создавший живую литературную форму рассказа, автор в то время известных романов «Арагон» и «Абдеритяне»; англичанин Джозеф Аддисон, автор знаменитой трагедии «Катон», в которой он призывал служить гражданским идеалам, беря в пример Древний Рим.

Подчеркивает их любознательность и имя выдающегося немецкого писателя-баснописца и драматурга Готхольда Лессинга, сыгравшего видную роль в истории немецкой философии и общественной мысли. А сколько ночей провели юноши над захватывающим чтением знаменитой «Исповеди» – романа Жан Жака Руссо, в котором автор не побоялся рассказать правду о самом себе! А известные трактаты Блеза Паскаля? Но любимым поэтом и драматургом Тютчева всегда оставался Фридрих Шиллер, стихотворения которого он вскоре с наслаждением начнет переводить.

Годы учения Погодина, Тютчева и их сверстников считались «патриархальной эпохой» Московского университета. «Студенческая жизнь, – вспоминал знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов, – до кончины императора Александра I была привольная. Мы не видавали попечителя – князя Оболенского, да и с ректором – Антонским – встречались вступающие в университет кутилы и забияки (видимо, имелись в виду нравоучительные беседы с ними. – Г. Ч.). Несмотря на это, я не помню ничего особенно неприличного. Скорее выдавалась и поражала нас наружность у профессоров, так как одни из них, в своих каретах четверкою, с ливрейными лакеями на запятках... казались нам важными сановниками, а другие... ездившие на ваньках, во фризовых шинелях – имели вид преследуемых судьбою париев».

Можно сказать, что университетские науки после неплохой домашней подготовки давались юноше сравнительно легко. Знание с детства французского и немецкого языков, широкие интересы Тютчева, эрудиция преподавателей, хороший круг друзей в определенной мере дают представление о том, как сформировался человек, о котором десять лет спустя, даже не подозревая о большом поэтическом таланте его, Иван Васильевич Киреевский скажет, что «у нас таких людей европейских можно счесть по пальцам...».

Внимательное знакомство с юношеским периодом жизни поэта и подскажет нам секрет того, как мог в довольно средней дворянской семье вырасти по-европейски образованный дипломат, которого вскоре после начала его дипломатической службы, в середине двадцатых годов прошлого века, величайший немецкий поэт Генрих Гейне будет считать одним из своих лучших русских друзей. Известный немецкий философ Фридрих Шеллинг также высоко оценит ум и знания юного русского дипломата.

Успехи сына в науках, его внутреннее возмужание было замечено и родителями. Они дали повод маменьке попытаться с помощью протекций и родственных связей помочь Федору окончить университет в два года вместо трех и устроиться поскорее на службу.

В августе 1821 года Погодин пишет одному из университетских приятелей: «Тютчеву, кажется, вышло разрешение на экзамен. Князь Андрей Петрович Оболенский (попечитель) был у графини Остерман-Толстой, тетки Тютчева, и сказывал ей, что дело идет уж из Питера». Это и было дело о разрешении Тютчеву сдачи экзаменов за полный курс окончания университета. При этом было принято во внимание, что юный поэт три года был вольнослушателем, когда он вместе с Раичем посещал университет до поступления в него.

Результаты экзаменов превзошли все ожидания, о чем и был составлен соответствующий акт, в котором, в частности, говорилось, что «Тютчев не только достоин звания действительного студента, но и звания кандидата словесных наук...». Это утверждение «в кандидатском достоинстве» состоялось 23 ноября 1821 года, в день восемнадцатилетия Федора Тютчева, а через три недели он уже держал в руках аттестат об окончании Московского университета «в степени кандидата Отделения словесных наук».

Шли к концу и посещения поэтом Общества любителей российской словесности. На пятьдесят шестом заседании Общества один из лучших чтецов его Федор Федорович Кокошкин прочитал тютчевское «Весеннее приветствие стихотворцам», которое вскоре было опубликовано в двадцатой части «Трудов» Общества. И наконец, 18 марта 1822 года, когда Тютчев уже был зачислен на службу в Государственную коллегию иностранных дел и находился в Петербурге, С. В. Смирнов читал переложение Тютчевым элегии Ламартина «Уединение», опубликованное потом сразу в нескольких изданиях под заголовком «Одиночество».

Последний раз Тютчев присутствовал на заседании Общества 27 мая 1822 года, вскоре по возвращении из Петербурга, где его родственник, известный герой Кульмской битвы, генерал от инфантерии Александр Иванович Остерман-Толстой, выхлопотал для племянника должность сверхштатного чиновника при русской дипломатической миссии в баварской столице. Тютчев прощался с друзьями, старыми профессорами, с известными поэтами Москвы.

«Он едет, – писал Погодин в дневнике, – при посольстве в Мюнхен. Чудесное место. Он спросил меня о московских, я его о петербургских литературных новостях. Дал слово писать из Мюнхена».

А через две недели в дорожной карете поэт вместе со своим покровителем Остерманом-Толстым выедет за последний шлагбаум Москвы. На козлах кареты, рядом с кучером, будет восседать его старый дядька, Николай Афанасьевич Хлопов, «ходивший за дитятею с его четырехлетнего возраста».

Свободолюбивые порывы

Еще во времена учения Тютчева в университете многие из его сверстников-студентов зачитывались первыми вольнолюбивыми стихотворениями молодого Пушкина, широко расходившимися в списках в обеих столицах. Особенно популярны были пушкинские «Деревня» и «Вольность», чтение которых повсеместно преследовалось, возбранялось начальством. Но разве грозными указаниями можно было что-либо запретить, особенно молодежи? Тем более что в Петербурге и Москве уже широко вело агитацию пришедшее на смену Союзу спасения новое, более законспирированное и организованное общество Союз благоденствия. И о его существовании кое-кто из дворянской молодежи догадывался.

Трудно предположить, *что* знал об этом Тютчев, но он как-то незаметно для себя оказался в тесном кругу настоящих и бывших членов тайных обществ. Любимый учитель Раич вступил в члены Союза благоденствия. Вскоре туда же вступил и двоюродный брат поэта, живший с ним в одном доме, питомец училища колонновожатых Алексей Шереметев. С начала двадцатых годов в дом Тютчевых, к жившей у них тетке Федора, Надежде Николаевне Шереметевой, мечтавшей выдать замуж свою младшую дочь Анастасию, зачастил Иван Дмитриевич Якушкин, один из видных деятелей тайных обществ. Часто бывали в доме в Армянском переулке и друзья Николая Тютчева и Алексея Шереметева по училищу колонновожатых – Петр Муханов, Александр Корнилович и другие молодые люди, ставшие в дальнейшем членами Северного и Южного тайных обществ. Всех их знал Федор Тютчев, был с ними в хороших отношениях, а с некоторыми даже дружил. И не было здесь ничего удивительного.

О подобном много лет спустя писал в своих воспоминаниях декабрист Александр Розен: «Члены общества собирались в своих кружках, все знали их по их умственным занятиям, по их жизни благонравной, по заслуженному уважению, которое явно им оказывалось и в полках, и в обществе; так мудрено ли, что наблюдатели, жаждавшие познаний и значения в обществе, пристали к ним и сделались членами сперва литературных и учебных обществ, а потом политических?»

Но, как оказалось, не все «наблюдатели, жаждавшие познаний», примкнули к тайным обществам. В дальнейших событиях по разную сторону баррикад оказались, например, высокопоставленные военные – братья Михаил и Алексей Орловы, выпускники училища колонновожатых братья Петр и Павел Мухановы и другие. Хорошо еще, если те, которые не примкнули к тайным обществам, оказались лишь в роли сторонних наблюдателей развивающихся революционных событий. А ведь были среди них и прямые пособники действий правительства.

1 ноября 1820 года Погодин записывает в дневнике: «Говорил с Тютчевым о молодом Пушкине, об оде его „Вольность“, о свободном, благородном духе мыслей, появившемся у нас с некоторого времени...» Чтение подобных вольнолюбивых стихов чаще всего происходило в кружке Раича, который жил в это время на Большой Дмитровке, при училище колонновожатых, преподавая русскую словесность младшему сыну начальника училища генерал-майора Н. Н. Муравьева. Многие питомцы этого учебного заведения могли догадываться о той роли, которую играл в организации тайных обществ старший сын Николая Николаевича, полковник Генерального штаба Александр Николаевич Муравьев. Их любимым преподавателем был член литературного кружка Раича штабс-капитан Петр Колошин, также один из организаторов Союза спасения. Заниматься поэзией к Семену Егоровичу приходили юноши из самых разных семей москвичей. Кружку покровительствовал даже генерал-губернатор Москвы князь Дмитрий Владимирович Голицын. Кроме Тютчева и Погодина кружок посещали юный князь Владимир Федорович Одоевский, Степан Петрович Шевырëв – буду-

щий профессор Московского университета, Дмитрий Петрович Ознобишин, Николай Васильевич Путята, дочь которого впоследствии выйдет замуж за сына Тютчева Ивана Федоровича, и другие. Многие из них станут в дальнейшем известными литераторами, деятелями русской культуры.

Делая запись в дневнике, Погодин еще не подозревал, что у его приятеля уже готов ответ на оду Пушкина. В начале ноября Федор сделал последние поправки и набело переписал стихотворение, назвав его «К оде Пушкина на Вольность»:

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней...

Обличительные строки Пушкина, направленные против тиранов древности (а на самом деле разящие современных!), как будто находят сочувствие у Тютчева. В них он видит пробуждение «духа Алцея» – греческого поэта-тираноборца VII–VI веков до н. э., – во время которого искры от «огня свободы» Божьим пламенем «ниспадали на чела бледные царей». Но далее в стихотворении, приветствуя способность Пушкина «вещать тиранам закоснелым» святые истины свободы, Тютчев в то же время призывает его только «смягчать» сердца царей, но ни в коей мере не «тревожить» их. Ратуя за спокойствие и рассудительность в поэтических строках, Тютчев категоричен в сохранении «блеска» царского венца, самой монархии.

В стихотворении «К оде Пушкина на Вольность» заметно, что политическое мировоззрение семнадцатилетнего Тютчева в ту пору отмечено чертами ограниченного свободомыслия, сочетающегося с твердой приверженностью к устоям русского монархического строя. Мало того, в пушкинской оде были такие места, которые заставили Тютчева – питомца стародворянского гнезда, принадлежащего к привилегированному классу, – с опаской насторожиться. Ему почудилось в словах Пушкина, что в «Вольности» тот слишком смело играет огнем. Например, он в открытую напоминает тиранам мира, в частности царю Александру I, об убийстве Павла I в Михайловском замке в Петербурге 11 марта 1801 года.

То, что Тютчев написал – пусть даже и столь осторожный, по мнению друзей, – ответ на оду, способствовало его скорому определению к гражданской службе. Про стихотворение узнала маменька Екатерина Львовна и пришла в ужас: «Как мог мой Федор написать „тиранам закоснелым“, подумать только! А если прознаются про это в Петербурге? Ведь вот, Сашка Пушкин: уехал в ссылку на перекладных – Аракчеев небось не дремлет. Не помогут нам тогда и влиятельные родственники, и друзей нужных не сыщешь!»

Тогда-то и появилось прошение студента Тютчева о разрешении ему досрочно сдать экзамены за полный курс учения в университете. Маменька хотела поскорее убрать сына из университета, который она с некоторых пор не без основания считала рассадником крамольных мыслей. Так и оказался юный дипломат в карете, увозящей его в благонамеренную баварскую столицу.

Мировоззрение Тютчева характеризует и его стихотворение «14-ое декабря 1825», написанное им, скорее всего, во второй половине 1826 года по слухам и официальным сведениям, доходившим из России в Мюнхен. Но этому сочинению предшествовал более чем полугодовой отпуск, который молодой камер-юнкер (это звание он получил, кстати, в честь торжеств по поводу рождения великой княжны Александры, 14 июня 1825 года) с 11 июня того же года проводил в Москве.

«Увидел Тютчева, приехавшего из чужих краев, – записывал Погодин в дневнике 20–25 июня. – Говорил с ним об иностранной литературе, о политике, образе жизни тамошней и

пр. Мечет словами, хотя и видно, что он там не слишком много занимался делом; он пахнет Двором. – Отпустил мне много острот. „В России канцелярия и казармы. – Все движется около кнута и чина. – Мы знали афишку, но не знали действия и т. п.“».

Это как будто бы отличное от взглядов двора мнение юного дипломата, кажется, больше походило на высказывания будущих декабристов. Но как будет видно дальше, о выступлении декабристов, которое он вполне мог наблюдать воочию из окон дома дяди Остермана на Английской набережной в тот памятный для России день 14 декабря 1825 года, он выскажет свое мнение в стихах.

Ну а тогда, летом 1825 года, в доме отца, в Армянском переулке, вновь зажили два брата – Николай, капитан Гвардейского генерального штаба, и Федор, дипломат. Отдельный вход на третий этаж со своими комнатами чуть позже получил и бывший в Москве проездом их двоюродный брат, лейтенант 8-го гвардейского экипажа, будущий декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин. Надежда Николаевна Шереметева ожидала здесь зятя Ивана Дмитриевича Якушкина с семьей. Молодежь часто ездила в гости, где в светских и литературных гостиных особенно в ходу были списки новых стихотворений Пушкина и Грибоедова.

«Привезенным мною экземпляром „Горе от ума“, – вспоминал Завалишин, – немедленно овладели сыновья Ивана Николаевича, Федор Иванович... и Николай Иванович, офицер Гвардейского генерального штаба, а также и племянник Ивана Николаевича Алексей Васильевич Шереметев, живший у него в доме...»

Как скоро убедились, что списанный мною экземпляр есть самый лучший из известных тогда в Москве, из которых многие были наполнены самыми грубыми ошибками и представляли, сверх того, значительные пропуски, то его стали читать публично в разных местах и прочли, между прочим, у кн. Зинаиды Волконской, за что и чтецам и мне порядочно-таки намылила голову та самая особа, которая в пьесе означена под именем кн. Марьи Алексеевны».

Спустя примерно полгода после своего возвращения в Мюнхен Тютчев написал о том событии стихотворение «14-ое декабря 1825», по всей вероятности выразив в нем свое отношение к происшедшему тогда. Начиналось оно такими словами:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил...

Из мемуарной и эпистолярной литературы нам известно, что под словом «Самовластье» обычно подразумевают самодержавие. Отсюда у поэта и мысль о том, что самодержавие своим произволом, неисполнимыми посулами «развратило» граждан, в том числе декабристов, и они – «жертвы мысли безрассудной» – поднялись против крепостнического строя. Но в то же время это «Самовластье», его карающий «меч» поразили членов тайных обществ, ибо на стороне царизма был «неподкупный» закон. Интересно, что во второй строфе стихотворения Тютчев сравнивает царское правительство, царизм с «вековой громадой льдов», с «вечным полюсом», растопить который, конечно, не хватило бы всей «вашей крови скудной». По всей видимости, поэт считает бесцельной гибель декабристов, «скудная» кровь которых не оставляет после себя никаких следов.

В этом стихотворении, как видим, ярко проявился противоречивый характер его творца, так и не выразившего своего четкого отношения к происшедшему в России событию.

«Тебя ж, как первую любовь...»

О личных встречах Пушкина и Тютчева историки литературы, биографы поэтов, вероятно, так и не смогут сказать ничего положительного. Думается, что одна из таких встреч могла произойти в их далеком детстве, перед самой войной 1812 года, когда они одновременно жили с родителями в Белокаменной. Как известно, Александр Пушкин вместе с дядей Василием Львовичем Пушкиным выехал в Петербург для определения в Лицей в июле 1811 года. А до этого племянник с дядей часто бывали в красивом особняке – «доме-комоде» Трубецких на Покровке. Туда же для завязывания знакомств родители Тютчевы нередко отправляли старших сыновей, Николеньку и Феденьку. Трубецкие устраивали для своих детей и детей московской знати детские балы с танцами.

Братья Тютчевы всегда были необычайно стеснительны, дичились незнакомых детей. Однажды на таком детском балу они увидели кудрявого непоседливого мальчика, чем-то смешившего Александрина Трубецкую, младшую дочь хозяев. «Кто это?» – спросил брата Феденька. «Сашенька Пушкин, племянник Василия Львовича, поэта», – ответил старший брат и подвел младшего к смеющимся детям поближе. Возможно, так в первый и в последний раз встретились два будущих русских поэта, о чем, естественно, быстро потом забыли.

Прошли годы. И Тютчев, восторгаясь европейской поэзией, не забывал и про свою, российскую. Он уже знал про ранние успехи в поэзии Пушкина, начал следить за его творчеством, читал стихотворения и в списках, и в отдельных изданиях. Пример тому – ода «Вольность». Очень возможно, что и Пушкин вскоре узнал о стихотворном ответе на его оду еще никому не известного московского студента. Об этом Александру Сергеевичу мог сообщить его кишиневский приятель, «душа души» поэта, бывший питомец училища колонновожатых, прапорщик Владимир Горчаков, который, будучи в Москве, заезжал в гости к Алексею Шереметеву в Армянский переулок и слушал там стихи Тютчева.

«В этих стихах, как мне кажется, – вспоминал позднее Горчаков, – видны начатки сознания о назначении поэта, благородность направления, а не та жгучесть, которая почасту только что разрушает, но не творит...» Вот тогда-то, вернувшись в Кишинев, Горчаков и мог рассказать Пушкину о литературных новостях Москвы, показать другу список-отклик юного поэта на его знаменитую оду.

Прошло еще десятилетие. Даже уехав за границу на долгие годы, Федор Иванович не переставал следить за новыми произведениями собрата по перу и спорить с вновь приобретенными приятелями о достоинствах пушкинских стихов.

Характерно в этом отношении письмо Тютчева к приятелю по службе в Мюнхене Ивану Сергеевичу Гагарину, которое явилось как бы продолжением их нескончаемых разговоров о достоинствах русской поэзии и прозы. В письме были, в частности, и такие строки: «Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторике, которая составляет язву или, скорее, первородный грех французского ума. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...»

А Гагарин быстро оценил поэтический талант своего мюнхенского друга, поэтому при переезде на службу в Петербург решил незамедлительно обнародовать стихи Тютчева в «Северной Пальмире», выбрав для них в издателя самого Пушкина, его журнал «Современник». И осуществил он передачу подборки стихотворений редактору журнала через Василия Андреевича Жуковского и Петра Андреевича Вяземского, которым также чрезвычайно понравились стихи, привезенные из Германии.

«Мне рассказывали очевидцы, в какой восторг пришел Пушкин, когда он в первый раз увидел собрание рукописное его стихов, – вспоминал известный публицист-славянофил Юрий Федорович Самарин. – Он носился с ними целую неделю...» С тютчевскими стихо-

творениями, полученными еще и от Раича из Москвы, составила значительная подборка, ее Пушкин с друзьями даже хотел выпустить отдельной книжкой. Но эту затею не удалось тогда осуществить, зато в третьем номере «Современника» за 1836 год его издатель поместил сразу шестнадцать больше всего понравившихся ему стихотворений. Все они были объединены общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии» и подписаны инициалами Ф. Т. Видимо, подпись была сделана по желанию автора, который и раньше неоднократно практиковал подобное, отличаясь полным равнодушием к литературной известности. Еще восемь стихотворений Тютчева были опубликованы в следующем, четвертом номере журнала.

Не обошлось и без трудностей. Наряду с запрещением цензурой статьи самого редактора журнала о Радищеве, «Записки о древней и новой России» Николая Михайловича Карамзина, было запрещено и стихотворение Тютчева «Два демона ему служили...». Цензор обвинял автора в неясности мысли, «которая может вести к толкам, весьма неопределенным».

Навсегда испортила цензура и второе стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа...», вторая и четвертая строфы из этого стихотворения чем-то не понравились тому же цензору и по его указанию были вычеркнуты. В самый последний момент Пушкину все же удалось поставить на место выброшенных строк отточия, а сами строки оказались утерянными безвозвратно.

Так закончилась эта история с публикацией двадцати четырех стихотворений Тютчева в известном литературном журнале. Стихотворения поэта продолжали публиковаться в „Современнике“ и после смерти Пушкина, вплоть до 1840 года. Не исключена возможность, что многие из них были отобраны для публикации еще Александром Сергеевичем и выходили потом как бы с его молчаливого благословения.

Слухи о хлопотах Пушкина за произведения авторов «Современника» не могли не дойти до Тютчева. И поэтому понятна его давняя мечта о встрече, теперь уже личной, с поэтом, чьи произведения давно уже стали знаменем всей читающей России. Можно было понять и всю его горечь и досаду от мысли, что не успел. Не успел застать живого Пушкина – опоздал всего на три месяца.

Приехав с семьей в 1837 году в отпуск в Россию и бродя в одиночестве по летнему Петербургу, Тютчев как бы намеренно искал встреч с теми знакомыми, которые могли бы ему еще раз рассказать о трагедии, случившейся в конце января. Его друг Гагарин через много лет в письме за ноябрь 1874 года вспоминал об одной такой встрече с поэтом: «Однажды я встречаю Тютчева на Невском проспекте. Он спрашивает меня, какие новости; я ему отвечаю, что военный суд только что вынес приговор Геккерну (Дантесу). – К чему он приговорен? – Он будет выслан за границу в сопровождении фельдъегеря. – Уверены ли вы в этом? – Совершенно уверен. – Пойду, Жуковского убью».

Можно вполне допустить, что за давностью лет Гагарин слишком приблизительно изложил свой разговор с Федором Ивановичем. Но не вызывает сомнения то, что Тютчев глубоко к сердцу принял все случившееся в Петербурге в его отсутствие. Вот откуда злой сарказм в его словах – ответах Ивану Сергеевичу Гагарину. И что же еще ему оставалось говорить, когда подлый убийца величайшего русского поэта был всего лишь в сопровождении фельдъегеря выслан за границу?

Так ясно представляется долго бродивший по пустынным петербургским улицам поэт. Уставший, полный грустных дум, возвратился он наконец в гостиницу. И хотя за окнами было совсем светло – белые ночи царили в это время года, – он велел задернуть шторы и принести свечи. Долго он глядел на оплывающий воск и наконец взялся за перо. Мысли сами ложились на бумагу, их не надо было подгонять:

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?..

Это стихотворение получило потом краткое название «29-ое января 1837». Через некоторое время Тютчев, совершенно не заботящийся о дальнейшей судьбе своих произведений, подарил рукопись тому же Гагарину, в бумагах которого она и пролежала около сорока лет. О публикации ее в то время нечего было и думать. Стихотворение увидело свет только после смерти автора, оно было опубликовано в 1875 году в газете-журнале «Гражданин».

А журнал «Современник» и после гибели Пушкина стараниями его друзей продолжал радовать своих читателей. Теперь одним из его ревностных подписчиков стал Тютчев. Продолжить подписку на очередной год он просил одного из новых редакторов журнала, князя Вяземского: «Благоволите, князь, простить меня за то, что, не имея положительно никаких местных знакомств, я беру на себя смелость обратиться к вам с просьбой не отказаться вручить кому следует причитающиеся с меня 25 рублей за подписку на 4 тома „Современника“. В первом из них есть вещи прекрасные и грустные. Это поистине замогильная книга, как говорил Шатобриан, и я могу добавить с полной искренностью, что то обстоятельство, что я получил ее из ваших рук, придает ей новую цену в моих глазах. Примите, князь, уверение в моем особом уважении.

Ф. Тютчев»

Через некоторое время поэт опять надолго прощался с Родиной. На этот раз он отправлялся на пост старшего секретаря русской дипломатической миссии в Турине.

«Я встретил вас...»

Характеризуя творческий процесс Тютчева, Аксаков писал, что «стихи у него не были плодом труда, хотя бы и вдохновенного, но все же труда, подчас даже усидчивого у иных поэтов». В отношении «иных поэтов» все правильно: у большинства из них стихи действительно можно назвать «плодом труда». Стихи же Тютчева можно вполне считать плодом раздумий его души, души мятущейся или негодующей, влюбленной или ненавидящей, как бы поэтическим завершением его духовной мысли. Поэтому вполне уместны слова первого биографа, что поэт «не писал» стихи, а «только записывал», и чаще всего «на первый попавшийся лоскут» бумаги.

Но, как кажется, есть у поэта одно стихотворение, которое он писал почти всю творческую жизнь, и думается, не напиши он ничего более, кроме этого стихотворения, то и тогда он бы мог стать на ту высоту, на которой стоит сейчас. Ведь значение поэта никогда не определялось количеством написанного...

Редко кто сейчас не знает этих замечательных строк о любви, которые теперь чаще поются, нежели декламируются:

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Можно предположить, что поэт начал писать эти строки еще в цветущей юности, а закончил уже в преклонном возрасте, почти полвека спустя. Но и в начале зарождения этих строк, и тогда, когда стихотворение было окончено, Тютчевым владело одно и то же чувство, которое он бережно нес в себе столько лет и в котором не побоялся признаться на самом краю жизни. И обращено это чувство было к Амалии Максимилиановне Крюднер.

Они познакомились, вернее всего, во второй половине 1823 года, когда, приписанный сверхштатным чиновником к русской дипломатической миссии в Мюнхене, двадцатилетний Федор Тютчев уже освоил свои немногочисленные служебные обязанности и стал чаще появляться в великосветском обществе. Пятью годами моложе его была графиня Амалия Лерхенфельд. Она была побочной дочерью принцессы Турни-Таксис, родной сестры королевы Луизы – матери императрицы Александры Федоровны, жены Николая I. Отец Амалии, дипломат, граф Максимилиан Лерхенфельд, был в тридцатых годах XIX века баварским посланником в Петербурге. Разное положение в обществе юной графини и незнатного русского дипломата с лихвой окупалось их влечением, которое молодые люди почувствовали друг к другу с первых встреч.

Пятнадцатилетняя красавица быстро взяла под свое покровительство превосходно воспитанного, чуть застенчивого молодого человека. Теодор (так, на немецкий манер, звали теперь Федора Ивановича) и Амалия совершали частые прогулки по зеленым, полным древних памятников улицам Мюнхена. Их восхищали и поездки по дышащим стариной предместьям, и дальние прогулки в карете к прекрасному голубому Дунаю, с шумом пробивающему дорогу сквозь восточные склоны Шварцвальда. О тех временах осталось слишком мало сведений, но зато картины прошлого воссоздают многие стихотворные воспоминания Тютчева. И среди них одно из главных: «Я помню время золотое...»

Это как раз то стихотворение, вспоминая которое Николай Алексеевич Некрасов в своей статье «Русские второстепенные поэты» замечал, что от него «не отказался бы и Пушкин». К мюнхенскому периоду первой любви поэта можно отнести еще стихотворение «К.

Н.» («Твой милый взор, невинной страсти полный...»), «К Нисе», «Проблеск» и, может быть, еще и другие, о которых можно только догадываться, ибо поэт не любил раскрывать свои сердечные тайны.

Во всяком случае, за год их знакомства, того самого «времени золотого», Тютчев был настолько очарован своей юной избранницей, что стал всерьез подумывать о женитьбе. Графиня в свои шестнадцать лет выглядела очаровательно, у нее было много поклонников, что, видимо, вызывало ревность поэта. В числе ее поклонников оказался и барон Александр Сергеевич Крюднер, второй секретарь русского посольства, коллега Тютчева. Набравшись смелости, Федор Иванович решился просить руки Амалии. Но простой русский дворянин показался ее родителям не такой уж выгодной партией для их дочери, и они предпочли ему барона Крюднера.

По настоянию родителей Амалия, несмотря на нежные чувства, которые она питала к Тютчеву, все же дала согласие на брак с Крюднером. Юный дипломат был совершенно убит горем. Тогда-то, по семейным преданиям, и должна была, по всей вероятности, произойти дуэль Федора Тютчева с кем-то из его соперников или даже с одним из родственников Амалии. Но дуэль, к счастью, не состоялась...

Неизвестно, пожалела ли потом Амалия Максимилиановна о своем замужестве, но дружеские чувства к поэту сохранила и при каждом удобном случае оказывала Федору Ивановичу любую, хоть малую, дружескую услугу. Она-то и привезла в Петербург Гагарину тютчевские стихотворения, потом частично напечатанные в пушкинском «Современнике».

А Федор Иванович отчего-то считал ее брак не вполне удачным. Уже после переезда Крюднеров в Россию он пишет родителям в январе 1837 года: «Видите ли вы иногда г-жу Крюднер? Я имею основания предполагать, что она не так счастлива в своем блестящем положении, как бы я того для нее желал. Милая, прелестная женщина, но какая несчастливая! Она никогда не будет так счастлива, как она того заслуживает. Спросите ее, когда вы ее увидите, помнит ли она еще о моем существовании...»

Время покажет, что ни она, ни он не забудут своей юной привязанности. А вот была ли, по утверждению Тютчева, несчастливой женщина, вызывавшая восхищение величайших поэтов XIX века? Так, Генрих Гейне, живя после Мюнхена во Флоренции, в одном из писем сообщает Тютчеву: «Я ходил в Трибуну принести дань восхищения Венере Медицейской. Она поручила мне передать привет ее сестре, божественной Амалии». И видимо, не зря сравнивает ее великий немецкий поэт с богиней красоты. Эта «божественная Амалия» — та самая баронесса Крюднер, которая в свой приезд в Петербург очарует и Александра Сергеевича Пушкина.

О ее появлении в Северной столице рассказывают письма князя Вяземского жене в июле 1833 года. Сообщая о вечере у графини Бобринской, он добавляет: «...была тут приезжая саксонка, очень мила, молода, бела, стыдлива. Я обещал Люцероде (саксонский посланник в Петербурге. — Г. Ч.) сказать тебе, что он ее не казал людям из ревности, а выпустил в свет только перед самым отъездом ее».

На другой день, в письме от 25 июля, он доверительно пишет жене о встрече Пушкина с Крюднер: «Вчера был вечер у Фикельмона... было довольно вяло. Один Пушкин, *palpitoit de l'interêt du moment* («трепеща от волнения»), краснея, поглядывал на Крюднершу и несколько увивался вокруг нее». И еще через несколько дней, в новом письме, Петр Андреевич сообщал: «Вчера Крюднерша была очень мила, бела, плечиста. Весь вечер пела с Виельгорским немецкие штучки. Голос ее очень хорош».

В тридцатых годах XIX века, когда Тютчев еще находился за границей, Амалия Максимилиановна не переставала блистать в свете, восхищая своим умом, красотой не только мужчин, но и женщин. Так, по поводу бала 21 января 1837 года у австрийского посланника

Фикельмона Александра Петровна Дурново запишет в своем дневнике: «Крюднер действительно очень красивая, такая прекрасная кожа, черты такие тонкие».

Располагая большими связями при русском дворе, будучи близко знакомой с всесильным графом Бенкендорфом, она через него оказывала Федору Ивановичу и его семье дружеские услуги. Амалия Максимилиановна, например, во многом способствовала переезду Тютчевых в Россию и получению Федором Ивановичем должности переводчика в Департаменте различных податей и сборов.

Поэт всегда страшно неудобно чувствовал себя, принимая эти услуги. Но иного выхода у него, обремененного большой семьей и нередко долгами, просто не было. Еще из Мюнхена в письме к Гагарину в Петербург, хваля душевные качества Крюднер, он добавляет: «Мне, само собою разумеется, до смерти хочется написать госпоже Амалии, но мешает глупейшее препятствие. Я просил ее об одном одолжении, и теперь мое письмо могло бы показаться желанием о нем напомнить. Ах, что за напасть! И в какой надо было быть мне нужде, чтобы так испортить дружеские отношения!.. И однако, из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, единственная, по отношению к которой я с наименьшим отвращением чувствовал бы себя обязанным».

Так и читаешь между строк, что она до сих пор для него много значит... В своей долгой жизни они встречались не часто. Но эти редкие встречи радовали обоих. Например, в июле 1840 года они встретились в Тагернзее – живописной местности недалеко от Мюнхена, где Тютчевы и Крюднеры отдыхали семьями.

Описывая в письме родителям свой отдых, Тютчев с радостью и в то же время с оттенком грусти сообщает им: «Вы знаете мою привязанность к госпоже Крюднер и можете легко себе представить, какую радость доставило мне свидание с нею. После России это моя самая давняя любовь. Ей было четырнадцать лет, когда я увидел ее впервые. А сегодня 2 (14) июля четырнадцать лет исполнилось ее старшему сыну. Она все еще очень хороша собой, и наша дружба, к счастью, изменилась не более, чем ее внешность».

Дружен был по-прежнему Федор Иванович и с мужем Амалии Максимилиановны, бароном Александром Сергеевичем Крюднером. Александр Сергеевич был даже шафером на свадьбе поэта...

С годами Тютчев и Амалия Максимилиановна встречались все реже и реже. Еще в 1842 году барон Крюднер был назначен военным атташе при русской дипломатической миссии в Швецию. В 1852 году он скончался. Через некоторое время его вдова вышла замуж за графа Николая Владимировича Адлерберга, генерал-майора, впоследствии финляндского генерал-губернатора, члена Государственного совета. У Тютчева были свои заботы – увеличение семьи, служба, которая так и осталась ему в тягость...

И все-таки судьба еще дважды подарила им дружеские свидания, ставшие достойным эпилогом их многолетней привязанности. В июле 1870 года Федор Иванович лечился в Карлсбаде. В это время сюда, на целебные воды, съезжалась европейская и русская знать, многие были знакомы Тютчеву. Но самой радостной для него стала встреча с Амалией Максимилиановной, которая с мужем также приехала на лечение.

Прогулки с пожилой, но все еще сохранившей привлекательность графиней вдохновили поэта на одно из самых прекрасных стихотворений. 26 июля, возвратившись в гостиницу после прогулки, он на одном дыхании написал свое стихотворное признание: «Я встретил вас – и все былое...» И здесь, вопреки своей привычке не давать заглавия интимным стихотворениям или, во всяком случае, скрывать их за ничего не значащими буквами, он поставил впереди своего сочинения вполне определенные инициалы: *К. Б.* Но и они мало бы что сказали любителю поэзии, не будь в стихотворении до сердечного трепета знакомого признания про «время золотое». Да и сам поэт, возвратившись на Родину, поведал своему другу и сослуживцу по Комитету цензуры иностранной Якову Петровичу Полонскому, кому

оно посвящено. И Полонский подтвердил потом, что инициалы *К. Б.* обозначают сокращение переставленных слов: *баронессе Крюднер*.

Последняя их встреча произошла 31 марта 1873 года, когда у своей постели уже разбитый параличом поэт вдруг увидел Амалию Максимилиановну. Лицо его сразу просветлело, в глазах показались слезы. Он долго молча на нее смотрел, не произнося от волнения ни слова.

А на следующий день Федор Иванович продиктовал несколько слов в Москву дочери Дарье: «Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюднер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В ее лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй». Амалия Крюднер пережила своего поэта на пятьдесят лет.

К сожалению, стихотворение «К. Б.» при жизни Тютчева не успело получить широкой известности. Напечатанное впервые в 1870 году, в декабрьском номере небольшого петербургского журнала «Заря», органа позднего славянофильства, оно было почти забыто. И лишь спустя двадцать два года, как новое, оно было опубликовано в «Русском архиве».

Стихотворение не было замечено и большими русскими композиторами. Музыку на эти стихи писали в конце XIX века С. Донауров и позже А. Спирро, но эта музыка больше напоминала медленный вальс, чем песню или романс, и поэтому не прижилась. Ближе всего к исполняемой ныне мелодии подходила музыка талантливого русского композитора Л. Малашкина, автора оперы «Илья Муромец» и симфонии «Жизнь художника», достигшего своего творческого расцвета в конце семидесятых годов XIX века и примерно тогда же написавшего романс на стихи Тютчева.

А возрождением романса мы обязаны замечательному российскому певцу Ивану Семеновичу Козловскому, который начал исполнять романс «Я встретил вас...» в своей аранжировке в начале пятидесятых годов XX века. Этот романс много лет назад он, в свою очередь, услышал от народного артиста Ивана Михайловича Москвина и потом записал его по памяти. Простая задумчивая мелодия полюбилась слушателям, легко запоминались и волнующие слова романса. Его запели повсюду. И теперь с каждым годом он становится все популярнее, так же как стихотворение величайшего русского поэта.

«Опять увиделся я с вами...»

В феврале 1826 года, вскоре по возвращении из полугодового отпуска в Россию, Тютчев, опять-таки по страстной любви, женился на вдове одного из российских дипломатов барона Александра Петерсона, Элеоноре Петерсон, урожденной графини Ботмер. Вероятно, этот брак поначалу можно было считать гражданским. О тайном браке Тютчева упоминает Генрих Гейне. В то время Элеонора, вероятно лютеранского вероисповедания, решала еще и свои наследственные дела после смерти мужа, что и объясняло отсрочку в законном браке. В 1829, 1834 и 1835 годах у Тютчевых родились дочери Анна (в замужестве Аксакова), Дарья и Екатерина.

Ничто, казалось бы, не могло омрачить счастливого для поэта брака, он не переставал восхищаться заботливостью и практичностью жены в их материальных затруднениях в связи с увеличивающейся семьей. Осенью 1837 года Тютчев после отпуска в Россию получает назначение на пост первого секретаря русской дипломатической миссии в Турин и отправляется туда пока один. И вот в июне 1838 года, когда Элеонора Тютчева с дочерьми плыла к мужу, на пароходе «Николай I» случился пожар. Мужественная женщина спасла детей, но от сильной простуды и нервного потрясения тяжело заболела и 27 августа того же года умерла в Турине. Тютчев очень переживал смерть жены; по свидетельству дочерей, за ночь, проведенную у гроба Элеоноры, он совершенно поседел, а ведь тогда ему исполнилось всего лишь тридцать пять лет.

В июле 1839 года произошло бракосочетание Тютчева с баронессой Дернберг, которое поэт совершил «ради покоя и воспитания своих детей». Эрнестина Федоровна действительно оказалась заботливой матерью трем дочерям Федора Ивановича, а ему – подлинным другом и советчицей на всю их долгую совместную жизнь. В новой семье у поэта родились дочь Мария (1840), сыновья Дмитрий (1841) и Иван (1846). Уже во втором браке Тютчев окончательно решает возвращаться в Россию. Свое желание он осуществляет в сентябре 1844 года, высадившись с парохода в Кронштадте вместе с женой и детьми Марией и Дмитрием.

Как мы уже говорили, Тютчев родился в Овстуге. Но так уж сложилась жизнь его, что буквально по пальцам можно было пересчитать годы, когда он посещал свое родовое гнездо. Но и вдали от родных мест память о красотах придеснянского края никогда не покидала поэта. И как доказательство любви к родине поэт оставил нам стихи, написанные на Брянщине. Пожалуй, одни из самых лучших в его поэзии.

В 1846 году Тютчеву наконец предстояло более чем через четвертьвековую разлуку побывать в Овстуге. И тому было немало причин. В первую очередь надо было вместе с недавно вышедшим в отставку братом, Николаем Ивановичем, заехать в Москву из Петербурга, где поэт обосновался с семьей, чтобы после свиданий с матерью и сестрой Дарьей Ивановной Сушковой вдвоем отправиться в Овстуг – решать наследственные дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.